

заботами «братии» печерской возвращен к жизни. Такому серьезному испытанию и наказанию Исакий, в миру богатый купец, подвергся потому, что слишком понадеялся на свои силы и рано ушел в «затвор», против чего в Киево-Печерском монастыре возражали многие (см. рассказы о Никите затворнике, о Лаврентии). Потому-то после выздоровления Исакий отказался от затворничества и стал работать с «братией».

В Лавсаике есть полная аналогия рассказу о бесах, явившихся Исакию, но герой этого рассказа Валент ни своим характером, ни судьбой не напоминает печерского затворника. Насколько в русском рассказе все содержание связано с конкретной обстановкой, внутримонастырскими спорами, настолько восточный рассказ схематичен, а герой его вообще очень далек от типа пустынно-христианина. Валент, «по духу гордый», таким остался и в годы своей подвижнической жизни в пустыне. Именно «дух самомнения и гордости» привел его к «крайнему высокомерию», и он стал мечтать о том, чтобы ангелы беседовали с ним и служили ему. Вот почему он сразу поверил, когда окруженный сонмом демонов в образе ангелов к нему явился диавол в виде Христа, что действительно «благоугодил Христу своими подвигами» и тот пришел «видеть» его. Валент исполнил приказ беса-ангела: «падши поклонися ему». Мало того, на другой день Валент в церкви похвалился, что видел Христа. Кратко сообщается далее, что «святые отцы» связали его цепями и в течение года «истребили гордость его молитвами, разнообразным унижением и суровою жизнью».³⁶

В рассказе об Исакии литературные припоминания Нестора отозвались и в других эпизодах. Так, однажды Исакий затопил печь у себя в келии; печь была «утла, и нача пламень исходити горе утлизнами. Оному же нечимь скважини покрыти, и вступи босыми ногами на пламень, дондеже изгоре печь. И сниде ничимь же вредим». Исакий «тако победу взя на бесы, яко и мух ни вь что же имяше устрашения их и мечтания» (стр. 130). К первому эпизоду дает параллель рассказ аввы Георгия о жившем с ним «брате Георгии»: истопив печь для хлебов, Георгий «не знал, чем ее вытереть, так как братия ради его испытания спрятала лоскут. Тогда он влез в печь и вытер ее своим плащом, потом вышел из огня без всякого вреда». Авва Георгий «сделал строгое порицание братии за такое испытание».³⁷ Если даже само «необыкновенное» чудо появилось в рассказе об Исакии под впечатлением прочитанного в переводном памятнике, следует признать, что автор, с одной стороны, усилил могущество подвижника, с другой — рассказал о чуде с такими бытовыми подробностями, которые должны были сделать его правдоподобным. Ведь Георгий уже истопил печь, а ее вытирают перед тем как посадить хлебы, тогда, когда огня в ней уже нет, поэтому и чуда собственно не произошло: если можно вытереть под печи тряпкой, то и плащом можно сделать это. В русской версии Исакий, закрыв ногами «утлизны» — щели в печи, не дает огню вырваться из нее; он действительно стоит среди огня. Так и Спиридон прокурник (стр. 120) мантией закрыл «устие» печи, когда огонь, вырвавшийся из нее, зажег «покров хранины»: монах погасил пожар. Необычное сравнение досаждающих бесов с мухами, возможно, навеяно было Нестору рассказом Лавсаика о Моисее ефиоплянине, заканчивающимся сходным, хотя и менее выразительным сравнением: «Как мы зимой не боимся мух, так точно и еще больше презирал демонов» Моисей.³⁸

³⁶ Лавсаик, стр. 103—105.

³⁷ Луг духовный, стр. 113.

³⁸ Лавсаик, стр. 79.